

ОБ ИСМАИЛОВЕ М. К. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

ИСМАИЛОВ Мирза Калан, родился в 1909. Окончил семилетку в Ташкенте, работал учителем в школе. 24 сентября 1930 — арестован и заключен в тюрьму.

В феврале 1931 — к Екатерине Павловне Пешковой обратился за помощью Леон Бернардович Гинтылло, усыновивший Мирзу Калана Исмаилова в раннем детстве.

<15 февраля 1931>

«Глубокоуважаемая Екатерина Павловна!

Из далекого Ташкента авиапочтой прилетело письмо это к Вам от убитого горем старика-отца, у которого отняли горячо любимого, способного, талантливого юношу, — сына, опору семьи.

Сын мой, Исмаилов Мирза Калан, узбек, сын бедного крестьянина глухого кишлака, сирота; маленьким мальчиком сам приехал в Ташкент учиться; попал в школу, где я состою преподавателем математики, и обнаружил сразу любовь к науке, способность и даровитость.

Я приютил у себя бедного сиротку и усыновил его.

Через семь лет, окончив школу, он стал хорошим учителем родного языка, всеми уважаемым и любимым всеми учениками. Вместе с тем он подавал большие надежды сделаться писателем: ценные печатные труды вложил он в бедную узбекскую литературу.

В последнее время он занялся переводом на узбекский язык романа М. Горького «Мать», но этому труду его, почти уже законченному, не суждено было выйти в свет: 24-го сентября 1930 г<ода> он был арестован агентами ОГПУ; и вот прошло с тех пор уже 5 месяцев.

Теперь дело его закончено и отправлено на разрешение в Москву.

Екатерина Павловна, измучился и исстрадался я в разлуке с сыном и в страхе за его судьбу.

Ему всего лишь 22 года, только что женился, и месяца одного не успел прожить с любимой женой, как был разлучен, и для семьи нашей настали темные дни, полные горя, слез и отчаяния.

Я уже старик, имею 33 летний педагогический стаж. За эти месяцы тревоги, волнений и слез, потерял окончательно здоровье.

Чувствую, что мне уже недолго жить, а потому страшусь за судьбу сына и его семьи.

В чем его обвиняют, я до сих пор не знаю, судя по всей его предыдущей жизни, по его работе, не могу найти вины за ним, такой вины, за которую грозила бы суровая кара.

Я думаю, что если он и виноват в чем-нибудь, то исключительно по своей молодости, незнанию жизни, попав, быть может, и даже наверное под дурное влияние товарищей.

По словам его следователя, он сознал вину свою и чистосердечно раскаялся.

Я писал многочисленные прошения, просил простить моего сынишку, отдать его мне на поруки, я жизнью своей ручался за него, но голос мой остался гласом вопиющего в пустыне.

Неужели Власть Советов, избранников народа, власть пролетариата может быть такой безжалостной, неумолимой, беспощадной, деспотичной. Нет! Быть этого не может. Наша власть — родная мать детей своих, воспитательница подрастающего поколения в духе великой идеи социализма.

Я верю в это и если не нашел милосердия в Ташкенте, найду его в Москве.

Вы, Екатерина Павловна, как женщина, как мать, понимаете, что должен был пережить отец, лишившись опоры, потеряв любимого сына.

Я уверен, что в сердце Вашем найду отзвук и сострадание к горю нашей семьи.

Прошу Вас, Екатерина Павловна, наведите справку, к чему присужден сыночек мой, Исмаилов Мирза Калан, и не откажите сообщить об этом несчастному отцу.

Прошу у Вас также и совета, куда и к кому мне еще обратиться за облегчением участи сына, за помилованием, на которое я все еще не теряю надежды.

Искренно верю и надеюсь, что Вы не откажете в моей просьбе.

Примите уверение в моем глубоком к Вам уважении.

Отец Мирза Калана

Л. Гытлылло.

15-го февраля 1931 г<ода>.

г<ород> Ташкент.

Р. С. Адрес мой: г<ород> Ташкент,
2-й Пишпекский тупик, д<ом> № 4.
Леону Бернардовичу Гинтылло»¹.

В июне 1931 — Леон Бернардович Гинтылло, получил ответ Е. П. Пешковой, вновь обратился к ней за помощью.

<27 июня 1931>

Глубокоуважаемая Екатерина Павловна!

Большое, большое спасибо Вам за Ваш ответ, за Ваши хлопоты о моем сынишке, Мирзе Каляне Исмаилове. Вы, наверное, еще помните то подробное письмо мое, где я изложил Вам детально всю историю развития жизни, работы и, наконец, историю его ареста агентами ОГПУ.

Юноша мучится вот уже скоро 9 месяцев, в тяжелых условиях заключения; по словам следователя, скоро должно прийти постановление из Москвы от коллегии ОГПУ, где будет решена его участь. Из этих слов следователя видно, что дело Мирзы Каляна Исмаилова действительно переслано в Москву. Дело его здесь значит под № 1957, быть может, под этим уже № 1957 оно идет и в Москве; в Ваших делах, согласно Вашему письму от 16/IV 1931 г<ода>, его № 10488.

Великая просьба к Вам, глубокоуважаемая и дорогая Екатерина Павловна, наведите еще раз справки о бедном моем мальчике, так жестоко пострадавшем за ошибку в жизни, ошибку молодости, ошибку, которую он совершил под влиянием подлого обмана, которую осознал и чистосердечно раскаялся у следователя.

Мирза Калян ждет ссылки... но куда? Куда вышлют бедного сиротку, уроженца горячего юга? Если в контрационные лагеря в Соловки, в Нарым или т<ому> п<одобное>, то это будет значить высылка на смерть: туркестанцу, да еще такому слабенькому, как мой мальчуган, это гибель. С ужасом ждем мы дальнейших ударов судьбы.

Я страшно измучился, Екатерина Павловна, все силы и мысли мои направлены к тому, чтобы облегчить положение близкого и родного мне Мирза Каляна, и найти путь к спасению его. Ужас охватывает меня, когда подумаю о том, как повезут моего мальчика к месту ссылки по этапу: от Ташкента до Москвы этап идет 4-5 месяцев, а если будут Соловки, то

¹ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 606. С. 141-142. Автограф.

сколько же это будет?! Какие еще муки придется ему пережить, да и переживет ли он их?

Если бы Вы видели, Екатерина Павловна, как горько плакал Мирза Калян вчера, на разрешенном нам 10-ти минутном свидании в предвидении предстоящей тяжелой разлуки с любимым отцом, Ваше сердце, так же как и мое облилось бы кровью, и Вы бы плакали вместе со мной.

Прошу Вас, Екатерина Павловна, наведите еще раз справку в Коллегии ОГПУ в Москве, какое вынесено постановление по делу Мирза Каляна Исмаилова, арестованного в Ташкенте 24 сентября 1930 г<ода>. Его личное дело за № 1957.

Помогите мне, Екатерина Павловна, в моем страшном горе, я совершенно убит, раздавлен, жив только надеждою, что где-нибудь да найду человеческое милосердие и сострадание к сыну. Все время меня мучит одна и та же мысль: неужели после 9-ти месяцев заключения нельзя простить мальчугана, всеми любимого, уважаемого, умного, способного принести неоценимую пользу и народу и самой Сов<етской> власти в его борьбе за лучшее будущее, неужели нельзя простить только потому, что он случайно, по неопытности, в первый раз спотыкнулся на жизненном пути, и как спотыкнулся? Идя по хорошей дороге, зацепился за подброшенную ему под ноги подлым товарищем рогатку.

Быть может, прокурор ОГПУ в Москве т<оварищ> Катаньян выслушает Вас и облегчит горе всей нашей семьи. Может быть, после разговора с Вами тов<арищ> Катаньян пожелает пересмотреть дело Мирза Каляна и усмотрит смягчающие вину обстоятельства. Если можно, переговорите с ним, глубокоуважаемая Екатерина Павловна, попросите его от имени убитого горем отца, старика-учителя, работающего на ниве народного образования уже 32 года.

Посылаю Вам карточку моего сынишки, посмотрите на него, будете, по крайней мере, знать, каков собой тот страшный преступник, за которого просит Вас похлопотать его приемный отец, уцепившийся за Вас, как утопающий за соломинку, в своих поисках за человеколюбием.

Прилагаю марки на скорый ответ.

Примите от меня уверение в моей глубокой к Вам признательности и благодарности.

Искренно Вас уважающий

Л. Гинтылло

Адрес:

г<ород> Ташкент, 2-й Пишпекский туп<ик>, д<ом> № 4.

Леону Бернардовичу Гинтылло»².

² ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 606. С. 145-146. Автограф.